

Оглавление

От составителя.....	6
Предисловие Владимира Васильева	8
<i>Вступление. Мадам «Нет»</i>	<i>10</i>
<i>Глава первая. Мои родные.....</i>	<i>12</i>
<i>Глава вторая. «Пусть танцует!».....</i>	<i>32</i>
<i>Глава третья. Школа.....</i>	<i>40</i>
<i>Глава четвертая. Большой театр — первые годы</i>	<i>67</i>
<i>Глава пятая. Медовая, серебряная, рубиновая</i>	<i>115</i>
<i>Глава шестая. «Щельково — это мировоззрение»</i>	<i>143</i>
<i>Глава седьмая. Я — звезда?!</i>	<i>161</i>
<i>Глава восьмая. Символ свободы творчества</i>	<i>172</i>
<i>Глава девятая. Хочу быть гражданином мира.....</i>	<i>180</i>
<i>Глава десятая. Глава не для всех</i>	<i>210</i>
<i>Глава одиннадцатая. Тридцать лет на сцене Большого.</i> <i> Перед расставанием</i>	<i>229</i>
<i>Глава двенадцатая. Кино и телевидение —</i> <i> что получилось.....</i>	<i>257</i>
<i>Глава тринадцатая. Годы без Большого.....</i>	<i>281</i>
<i>Глава четырнадцатая. Возвращение</i>	<i>297</i>
<i>Мы не прощаемся</i>	<i>319</i>
Приложения	321

От составителя

Книга «Мадам “Нет”» — это мемуары выдающейся русской балерины, народной артистки СССР, лауреата Государственных премий СССР, РСФСР и РФ, многих международных премий, профессора Екатерины Сергеевны Максимовой.

Максимова всегда очень неохотно соглашалась на интервью и избегала говорить на темы, не связанные непосредственно с ее работой. В своих воспоминаниях Екатерина Сергеевна впервые рассказала о малоизвестных эпизодах жизни, о родных, о впечатлениях детства. Ее недаром называли самой интеллигентной балериной наших дней: свою позицию по различным вопросам жизни театра и современного общества Максимова высказывает исключительно корректно, не увлекаясь модным «разоблачительством».

Повествование не выстроено в строгой хронологической последовательности, но касается тем и событий, особенно значимых для автора. Екатерина Максимова была в центре жизни Большого театра времен его «золотого периода», принимала участие в воплощении замыслов выдающихся хореографов эпохи, в смелых драматических и киноэкспериментах, с ее именем связан подлинный взлет нового жанра искусства — телебалета. В этих поисках и начинаниях неповторимая индивидуальность, многогранный талант балерины всегда привлекали к ней незаурядных деятелей отечественной и мировой культуры, о которых она вспоминает. Рассказывая о других, Максимова неожиданно раскрывается и сама, потому что именно в отношениях с другими людьми, в личной оценке событий особенно четко предстает сущность человека — гораздо яснее,

чем в пространных рассуждениях только о себе. Воспоминания Максимовой — доверительное обращение к тем, кому действительно интересна ее личность, ее жизненные и художественные принципы.

Книга иллюстрирована редкими фотографиями из личного архива Е. С. Максимовой и В. В. Васильева, из частных коллекций, а также работами фотохудожников, в течение многих лет следивших за творчеством великой балерины: Анны Ключкиной, Георгия Соловьёва, Анри Сумирё-Лартига, Елены Фетисовой.

Предисловие Владимира Васильева

Всего два года Катя не дожила до нашей золотой свадьбы. Мне казалось, что я знал все, чем жила, чему радовалась и иногда огорчалась она, о чем думала, мечтала, на что надеялась. И вот у меня в руках книга «Мадам “Нет”», в которой Катя рассказывает вам, дорогие читатели, о своей жизни. И может быть, впервые вопреки названию, очень точному для ее характера, она сказала нам всем «Да». Книга невыдуманная, простая, правдивая, не вымученная осмыслением слов, фраз, подбором правильных выражений и желанием представить себя с самой выгодной, лучшей стороны. Не скрою, когда Катя попросила меня прочесть первую верстку этой книги, я долго тянул время. Мне думалось: ну что я смогу узнать нового? Начиная с 1949 года с небольшими перерывами мы были вместе. В одном классе хореографического училища при Большом театре на протяжении девяти лет, в репетиционных залах, на сцене и за кулисами. Затем, после окончания училища, — работа в Большом театре, спектакли, концерты, гастроли, летние каникулы, любовь, свадьба, совместная жизнь на долгие годы, один круг друзей, одна работа. И все всегда вместе. Уж кого-кого, а Катю, мне казалось, я знаю лучше всех. А учитывая ее нежелание делиться со всеми своими чувствами и переживаниями, что она мне могла сказать нового? Я начал читать нехотя, а остановиться уже не смог. Каждая страница мне приносила радость открытия души самой Кати — такой замкнутой внешне от незнакомых ей людей и такой дорогой, любимой для друзей и огромного количества зрителей, видевших ее на сцене и на экране. Но там-то они восхищались ее героинями, выросшими в нее саму. А какова она в жизни, на самом деле? Я не поклонник вторжения в частную жизнь великих людей. Наоборот. Бывало, узнавание новых, ранее

неизвестных мне качеств и поступков знаменитых писателей, актеров, музыкантов и так далее, темные штрихи к их портретам, таким ясным, чистым, талантливым, заставляли меня самого пересматривать свое отношение к их творчеству. Но каждый раз любого из нас так и тянет узнать как можно больше о жизни известных людей, что называется, «за кадром».

Я читал и думал: как хорошо, что Катя избежала искушения (она по-другому и не могла) излить всю свою горечь и обиды, которых немало в жизни каждого творческого человека, на других. Она всегда это носила в себе — и унесла с собой в вечность. Маленькая, хрупкая звездочка оказалась ярким светом в памяти множества людей. И этот отблеск чувствуется в рассказе о себе и дорогих ей людях. Конечно, в книге — только часть ее большой интересной жизни, огромного числа событий и фактов. Но все вместить, наверное, и невозможно. Я бы очень хотел, чтобы вы, читающие «Мадам “Нет”», получили удовольствие от книги. И я говорю слова благодарности Лене Фетисовой, без которой этого издания могло не быть.

Апрель 2020 года

Вступление

МАДАМ «НЕТ»

Когда ко мне обратились с предложением написать книгу своих воспоминаний, я сразу ответила: «Нет!» «Нет» — первое слово, которое я говорю, если меня хотят заинтересовать новой ролью, идеей, работой: «Нет, я не смогу! Нет, у меня не получится!» Так было всегда, сколько себя помню. Еще в хореографическом училище некоторые ребята ничуть не сомневались, что их возьмут в Большой театр и они там сделают карьеру. Я же вовсе не чувствовала подобной уверенности. Я вообще никогда не чувствовала никакой уверенности! Когда мне в театре в первый сезон сообщали, что буду танцевать какие-то сольные партии, я не радовалась, а пугалась: «Не надо, не справлюсь!»

Когда мне доверили танцевать «Жизель», — вообще чуть не умерла: «Нет! Не надо мне никакой Жизели, лучше я буду стоять где-нибудь “у воды”!..» Впервые услышав приглашение сниматься в кино, совершенно искренне возмутилась: «Да вы что?! С ума сошли?! Я не могу!..»

Это слово так часто звучало из моих уст, что мой друг французский фотограф Анри Лартиг наградил меня новым именем — Мадам «Нет»...

Однако Мадам «Нет» все-таки танцевала премьеры, и снималась в телебалетах, и даже играла драматические роли — благодаря тому что рядом были люди, которые в меня верили и уговаривали только попробовать, только начать и посмотреть — а вдруг получится что-то интересное? В конце концов попробовать я соглашалась, тем более что все новое, необычное всегда казалось мне безумно привлекательным, — и втягивалась, погружалась в очередную работу...

Уговорили меня «попробовать» и на этот раз, хотя я и предвидела много трудностей. Как все вспомнить, как не обидеть

кого-то забывчивостью? Память иногда прихотливо подсказывает, казалось бы, совсем неважные мелочи, оставляя в тени события более значительные.

К тому же я никогда не вела дневников, не собирала архивов, даже письма как-то раз под настроение собрала все и выбросила. Своими чувствами, переживаниями делилась только с близкими друзьями, а все, что хотела сказать публике, я сказала на сцене. И сейчас, решившись приступить к мемуарам, я не буду «исповедоваться»: *моя личная жизнь — это моя личная жизнь.*

Но постараюсь, чтобы на этих страницах нашлись ответы на вопросы, которые так часто задают мои зрители на творческих вечерах, в интервью, в своих письмах: что я люблю, что не принимаю, что для меня важно и значимо, в чем нахожу вдохновение, а что для меня — отдых. Расскажу о театрах, в которых работала, и странах, где побывала, и главное — о моих родных, друзьях, коллегах: ведь с самого раннего детства и всю жизнь рядом со мной были выдающиеся личности и прославленные артисты.

Меня и саму привлекают в чужих мемуарах конкретные люди, их поступки, а не общие рассуждения, реальные судьбы, события, а не придуманное, — как человек оценивает какие-то ситуации, как он смотрит на деревья, на небо...

Жизнь артиста многим представляется необыкновенной, прекрасной и беспечальной. Да, мгновения подлинного счастья я испытывала не раз, но ведь были и неудачи, и ошибки, и разочарования, и боль от предательства.

Все это не могу выбросить из своей жизни, не могу ни от чего отказаться. Но и не собираюсь сводить счеты, обвинять и разоблачать: когда у меня отношения с кем-то не складываются, я не пытаюсь их выяснять, но отхожу от такого человека — пусть живет своей жизнью. Меня вовсе не обязаны все любить! Кто меня знает — тот знает, а кто не знает — тем не буду ничего доказывать или навязывать.

И здесь я лишь попробую рассказать, как жизнь привела меня к пониманию самого важного, самого главного. Мое счастье — в том, чтобы жить, любить, быть здоровой, иметь настоящих друзей и то дело, которому отдаешь душу.

Глава первая

МОИ РОДНЫЕ

... **К**ак литературно красиво было бы начать воспоминания балерины с такой фразы: «Я с самого раннего детства мечтала только о танце». Красиво, но не совсем верно. Потому что сначала меня привлекали совсем иные занятия: то хотела стать пожарным, то дворником — очень нравилось поливать двор из большого шланга, то кондуктором, чтобы целый день кататься на трамвае. В мечтах воображала себя «лельчиком» (летчиком) в военной форме и с крылышками на фуражке.

...Почему жизнь складывается так, а не иначе? Почему моей жизнью стал Танец? Думаю, многое в судьбе человека зависит от того, что в нем заложено с детства, от тех людей, которые его окружали, от самой атмосферы дома. И чтобы понять, как формируется главный (зачастую подсознательный) ориентир, ведущий его по жизни, надо знать историю семьи, ее корни.

ИСТОРИЯ СЕМЬИ

В детстве помню рядом с собой маму и бабушку Наталью Константиновну (мамину маму), которую я звала Мамусей. А еще у меня было три тети — родная мамина сестра Марина, ее сводные по отцу сестры — Ленора (Норочка) и Маргарита (Маргоша) — и один дядя, мамин брат Сережа. Мой дедушка Густав Густавович (мамин отец) раньше имел другую семью, и сложилось так, что его дочери от первого брака с Марией Александровной Крестовской (драматической актрисой) и дети от второго брака общались, дружили между собой. Моя мама даже больше дружила со своими сводными сестрами Норочкой и Маргошей.

Норочка тоже поселилась в нашем доме, и у нее была кошка Катька. Все почему-то очень возмущались: как не стыдно так называть кошку, когда у тебя племянница Катя?! Зато я была в восторге! Кошку я обожала, и мне, наоборот, безумно нравилось, что ее назвали моим именем, как будто в честь меня. Отдельно от нас жила только Маргоша, но из своих теток именно ее я больше всех любила, — может быть, как раз потому, что походы к ней в гости (в отличие от каждодневного общения с другими членами семьи) казались событием, праздником. Мужа Маргоши, Константина Михайловича, мы все звали дядя Кот, его младшего сына, тоже Константина, звали Котиком, старшего сына — Мишей, и я всегда с нетерпением ждала, когда мы пойдем в гости к «Миши-Котикам» — моим большим друзьям...

Моего дедушку Густава Густавовича я никогда не видела, потому что родилась через два года после того, как его не стало. Но мама часто рассказывала о своем отце, и с него начинается для меня история нашей семьи.

Густав Густавович Шпет был известным ученым, вице-президентом Академии художественных наук, профессором Московского университета и Высших женских курсов, членом художественного совета МХАТа, профессором Академии высшего актерского мастерства. Он занимался философией, лингвистикой, этнографией, логикой, психологией, создал Институт научной философии, Вольную ассоциацию творческой и вузовской интеллигенции.

Родился дедушка в 1879 году в Киеве, а его имя — Густав — имеет шведские корни. По метрике (и даже на старых визитных карточках) он — Густав *Иванович*, потому что отца звали Иван-Болеслав: мой прадедушка и его жена Марцелина Иосифовна (моя прабабушка) были поляками. Когда после революции выдавали паспорта, дедушка поменял отчество, он говорил: «Густав Иванович звучит довольно глупо, пускай будет Густав Густавович».

В Киеве он обучался на физико-математическом факультете университета Святого Владимира, однако затем увлекся психологией и перешел на кафедру философии и психологии историко-филологического факультета. По окончании университета Густава Шпета оставили на кафедре, но его учитель, выдающийся русский психолог Георгий Иванович Челпанов, к тому времени уже работавший в Москве, пригласил туда и своего ученика.

В Москве дедушка появился в 1907 году и начал преподавать на Высших женских курсах и в Алферовской гимназии. Его лекции пользовались огромным успехом, их посещала и Марина Цветаева — вместе с будущей женой дедушки, Натальей Константиновной. Да, сложилось так, что дедушка женился на своей ученице. Этот брак весьма не одобряли ее родственники — Гучковы, и особенно отец, Константин Иванович. Смущала большая разница в возрасте будущих супругов, к тому же известный профессор имел двух детей от первого брака, не считался состоятельным человеком, да и вообще не интересовался деньгами. Не спасало положение даже дворянское происхождение Шпета, хотя сама Наталья Гучкова принадлежала к купеческому сословию. Любимица семьи, она, по мнению близких, могла рассчитывать на более блестящую партию. Родными дядями Натальи Константиновны были председатель Государственной думы, лидер Партии октябристов Александр Иванович Гучков, московский городской голова Николай Иванович Гучков, пианист и дирижер Александр Ильич Зилоти, а двоюродным дядей — композитор Сергей Васильевич Рахманинов.

Так как дедушка уже однажды вступал в церковный брак, их с бабушкой даже венчать ни в одном храме не соглашались — еле-еле уговорили совершить обряд тюремного священника из Бутырок. Но, невзирая на все препятствия, семья сложилась, родились дети, и молодая жена полностью взяла на себя заботы по дому, освободив мужа для научных трудов; она даже научилась печатать на машинке, чтобы перепечатывать его работы, написанные крайне неразборчивым почерком. Мама помнит, что, когда отец занимался, дома все ходили на цыпочках и говорили шепотом. А такого времени, когда бы он не работал, просто не существовало. Работать он любил, работал увлеченно, и единственное, с чем не мог справиться, — со свободным временем. Отдыхать не умел, никогда в жизни никуда не ездил в отпуск — ни на дачу, ни на какие курорты.

А семья на лето обычно покидала город: снимали дачу в Подмосковье — на Сходне, в Химках, в Хлебникове, три года жили в Тарусе, как-то раз ездили на Украину в Лещиновку. Года два отдыхали в усадьбе Борок (позднее ставшей музеем «Поленово»). В то время в усадьбе еще жил сам художник Василий Дмитриевич

Поленов, который и построил там огромный дом, наполнив его различными предметами культуры и быта Востока. Василий Дмитриевич чрезвычайно увлекался Востоком, много ездил, посещал Египет, и его интереснейшая коллекция, собранная в поездках, полностью занимала в доме три комнаты: фактически дом стал музеем еще при жизни Поленова, там даже появлялись первые «экскурсанты» — местные жители. В таком доме-музее бабушка с детьми и проводила лето. Маме (тогда двенадцатилетней девочке) разрешали навещать тяжело больного Василия Дмитриевича, который в то время уже лежал, не вставая. Каждое утро она прибегала к нему и приносила свежий полевой цветок. Цветок ставился в маленькую красивую вазочку (ее после смерти художника подарили маме)...

В обширной усадьбе гостило обычно немало интересных личностей: приезжал Юрий Александрович Завадский со своей женой Верой Петровной Марецкой, совсем молодой Ростислав Плятт, известные писатели и художники. Мама рассказывала, как замечательно они там проводили время: Оля и Наташа (дочери Поленова) даже спектакли самодеятельные ставили, и все с удовольствием принимали в них участие. Только дедушку никогда не удавалось заманить туда надолго — он приезжал лишь навещать семью. Иногда появлялся днем на несколько часов, иногда оставался ночевать — и каждый раз маялся без дела. Больше чем на три дня его не хватало — это было выше его сил! Зато присылал письма — очень интересные, со всякими сказками, сочинял каждому по письму на нескольких страницах...

Прекрасная библиотека, которую собрал дедушка, включала не только книги по философии, психологии, логике, этнографии и другим его научным интересам, но и художественную литературу, поэзию (русскую и зарубежную — он знал семнадцать иностранных языков!), великолепные альбомы с репродукциями картин. Библиотека оказалась настолько обширной, что ни маме, ни другим детям ни разу не пришлось обращаться за книгами ни в какие другие.

Дедушка интересовался искусством, любил театр, был в курсе всех театральных событий и литературных новинок, поддерживал дружеское общение с кругом Андрея Белого и Валерия Брюсова, с Максимилианом Волошиным. В Москве Борис Пастер-